

Из истории тихвинских монастырей и храмов

1920 год: новые обитатели тихвинских монастырей

Еще в декабре 1918 года все здания тихвинских монастырей перешли в собственность органов местного самоуправления и, за исключением храмов, были приспособлены под жилые дома, предприятия и организации.

В зданиях, принадлежавших ранее Успенскому монастырю, помимо жилых корпусов, в которых монашеские вынуждены были арендовать себе кельи, разместились госпитали, краеведческий музей и пошивочная мастерская уездного отдела военных заготовок. Кроме них на территории обители находились еще и совхоз. Новые владельцы относились к зданиям и имуществу наплевать. Читаем запись в дневнике тихвинского историка И.П.Мордвинова за 2 апреля 1920 года: «На дороге встретил Клавдия. Жалуется, что товарищи, занимая монастырские помещения, очень гадят и портят их».

Музей был открыт еще в июне 1919 г., а подтверждение тому, что в зданиях обители были госпитали, снова находим у И.П.Мордвинова: «8 февраля 1920 г. Сегодня узнал, что монастырские госпитали устраивают спектакли в трапезной рядом с Покровским собором; уже было 3 вечера».

О пошивочной мастерской свидетельствует местная газета «Наш край». Располагалась мастерская в правом корпусе. Сапожное отделение и закрытая мастерская были в довольно хороших помещениях, окна которых выходили на солнечную сторону, и в них работало более-менее сносно. А все пошивочное отделение размещалось в одной комнате с очень низким потолком и тремя небольшими окнами, выходящими в сад, которые почти не давали света. Вентиляция в помещении отсутствовала. «Прямо хуже подземелья», — сокрушался автор заметки и продолжал: «В этой комнате помещается свыше 10 человек работниц; атмосфера вследствие страшной пыли от шинелей и прочей одежды, находящейся в отделке, ужасная, и как и чем они дышат — Аллах их ведает, можно только удивляться, как только они в такой комнате до сих пор не подохли. Санитарной комиссии необходимо обратиться на это серьезное внимание и предложить Воензагу перевести мастерскую в более светлое помещение» (стиль и орфография сохранены — прим. автора). Была ли эта просьба выполнена — неизвестно.

Что касается Введенского монастыря, то в нем на базе существовавшего с 1889 г. приюта для девочек-сирот, который до революции полностью содержался за счет средств обители, создали колонию для беспризорников. Уже в феврале 1918 г. этот приют находился не в ведении монастыря, а был подотчетен уездному отделу народного образования, и в него принимали детей обоюбого пола, включая младенцев. Так, 27 февраля 1918 г. председатель Тихвинского совета рабочих и солдатских депутатов ходатайствовал уже не перед игуменской обителью, а перед заведующей Тихвинским детским приютом о приеме в него нескольких сирот. Его ходатайство было основано на заявлении председателя Деревской волостной земской управы, в котором тот писал: «Всепокорнейше прошу Совет Крестьянских, рабочих и солдатских депутатов ... о принятии в детский приют детей умершей матери ходившей по миру неизвестно откуда. Померла в Деревской волости деревни Семёновой оставивши 3-х детей. Мальчику 1му 9 лет, девочке 6 лет еще мальчику 1/2 года не имеющие ни отца ни матери...» (орфография сохранена — прим. автора).

Затем приют преобразовали в Первую детскую колонию. Какие в ней были условия содержания детей, свидетельствует запись в дневнике И.П.Мордвинова от 5 февраля 1920 года, где он рассказывал о похоронах некой многолетней вдовы: «Один ребенок (из Введенской колонии) пришел на погребение в плохих сапожках без чулок; из расспросов выяснилось, что собственные чулки отобраны, а казенные не выданы; все ходят без чулок и мерзнут; понемногу морят ребятишек; колонией заведует бывшая эсерка Вальская, баба без винтов, но очевидно подлая».

Размещалась колония в игуменском корпусе. Об этом мы тоже узнаем из дневника того же И.П.Мордвинова: «24 апреля 1920 г. Утром отправился в Введенский монастырь. <...> Игуменской оказалась Иоанникия; она живет под колокольней в маленькой келии. Игуменские же келии заняты колонией; на окнах — хулиганские ребятишки, кричат и ругаются в открытые форточки, просят: «Дядя, дай копеечку».

В мае 1920 г. кто-то забил тревогу и под

псевдонимом «Z.P.» сообщил в газету «Наш край» о ненадлежащем уходе за детьми в этом воспитательном учреждении. При посещении колонии автору публикации бросились в глаза печальные факты издевательского над детьми одной из сотрудниц. По его словам, позже он узнал, что издевательства с ее стороны были постоянными: «Она в свое дежурство обращается с детьми хуже, чем с собаками, с каждым ругается, дергает за руки, заставляя 4-5-летних детей одеваться самих. Дело не обходится, конечно, без ударов. <...> На ночь эта няня исчезает через окно на всю ночь, оставляя детей без присмотра. Почему же начальство смотрит на такую няню сквозь пальцы?»

За несколько месяцев в этой колонии сменилось несколько заведующих: в феврале была Вальская, в апреле — Афанасьева (о ней также упоминал в своем дневнике И.П.Мордвинов), в июне значилась Ида Самсонова Георгенбергер, а затем некоторое время колонию возглавляла «племянница» наркома просвещения А.В.Луначарского.

О последней мы узнаем из губернской газеты «Коммунист», где 7 декабря 1920 г. появилась заметка под названием «Племянница Луначарского». Ее стоит привести полностью.

«Не так давно в Тихвинский Унаробраз явилась особа женского пола и заявила, что проездом из Вологды в Петроград она утеряла свои документы. Кроме того, в дороге захворала ехавшая с ней ее мать. И поэтому ей придется остановиться на некоторое время в Тихвине. Незнакомка отрекомендовалась Горенко, племянницей Луначарского. В доказательство последнего она всем и каждому показывала письма к ней ее «дядюшки». Письмами ей удалось убедить тихвинцев, после чего Унаробразом в первую очередь ей были оказаны соответствующие почести. Первым делом Унаробраз дал ей по ее просьбе место заведующей одной из детских колоний, причем под апартamente заведующей было отведено несколько комнат. Затем племянницу начали снабжать шоколадом, белой мукой и пр. продуктами детского питания. Тихвинские ответственные работники по причине пущенной им в глаза Горенко пыли ухаживали за «племянницей» друг перед другом. Наконец «племянница» заявила, что скоро ее дядя, т. е. тов. Луначарский, прибудет в Тихвин, и что поэтому надо поскорее отделать для него квартиру. Тихвинцы принялись за отделку квартиры: кого-то выселили по этой причине, кого-то уплотнили и пр. Между тем представительница Тихвинского Унаробраза на съезде политпросветов в Москве, встретив тов. Луначарского, спросила его, скоро ли он будет в Тихвине, и передала привет от его «племянницы». Тов. Луначарский вытаращил, конечно, глаза от удивления. В это время «племянница» внезапно исчезла из Тихвина. Нашла ее Губчека в Устюжне уже под фамилией Михайловой. Интересно, что Тихвинский Хлестаков-Горенко бежала в Устюжну, из которой, если верить, что «Ревизор» Гоголя списан с Устюжны, бежал в свое время настоящий Хлестаков».

Несмотря на комичность ситуации, псевдородство Горенко-Михайловой и Луначарского послужило на пользу обездоленным детям. В ходе планового обследования всех детских учреждений города и уезда, которое проводилось как раз в декабре 1920 г., Введенской колонии была дана высокая оценка: «На всем видна печать особого внимания, как на оборудовании, так и на снабжении продовольствием и одеждой. Последней имеется всегда значительный запас, о чем другие детские учреждения не смеют и мечтать. В первое время существования колонии здесь имелись недостатки (заболевания, плохой уход), но эти недостатки в настоящее время устранены. Дети выглядят довольно хорошо, занимаются лепкой, картонажными работами и пр. Из этих работ организован музей, занимающий две комнаты».

Кроме колонии на территории Введенского монастыря был еще и совхоз, в котором работала основная часть монахинь и послушниц. Но трудиться в нем могли не все, некоторым уже не позволяли возраст и здоровье. Такие практически были обречены на вымирание. 24 апреля 1920 г. И.П.Мордвинов сделал запись: «Оказывается, что все старицы, работающие только для церкви, а

не для советского хозяйства, пищи не получают; им дается только келья или вернее — угол для жилья».

Еще одна группа обитателей появится во Введенском монастыре чуть позже. Из записи дневника И.П.Мордвинова от 19 февраля 1921 г. мы узнаем, что во Введенском монастыре будет размещен целый полк красноармейцев. О том, что они в нем натворили, он запишет в феврале 1922 г.: «Квартировавшие красноармейцы сильно разорили монастырь, в кельях выламывали рамы, вьюшки, скобки, даже полы».

В 1920 г. большинство церковных ценностей, находящихся в храмах Введенской обители, было еще на месте. Об этом свидетельствует тот же И.П.Мордвинов, побывавший там 25 апреля 1920 г., и не один, а с комиссией. Их ждали игуменья и 8 представителей религиозной общины, которые всем своим видом показывали, что будут защищать монастырь. Они даже пригрозили «лечь косять», если будут отнимать святыни. Исакию Петровичу пришлось вести с ними довольно длительную беседу, в результате которой верующие ему поверили и открыли ризницу. «Уютная комната, чистенькая, много художественных вещей, особенно шитья; мыльные бочки (глиняные игрушки — прим. автора) «православных детей», хорошие образа, сосуды, нашел кадило, зарисованное в альбоме Бороздина 1809 г.; оказалось много свитков; часть даже разобрана; записал, что успел. «Верующие» окончательно признали, что мы добрые люди и с большим интересом слушали наши речи. Заявили, что собор ни за что не дадут занимать. Игуменья сообщает, что Афанасьева говорила Захарову, что переходить с колонией в церковь не будет. Председателем коллектива оказался Белочкин со Стретилова. Секретарем состоит какой-то Зверев, который уже был арестован за то, что не пускал Захарова (председателя Тихвинского Уисполкома — прим. автора) в ризницу».

В Николо-Беседном монастыре, как и во Введенском, тоже содержались беспризорники. В нем появилась школа-коммуна «Детский городок», в которую принимались дети красноармейцев, бедняков, сироты и др.

Весной 1920 г. велись разговоры о том, чтобы отдать Николо-Беседный монастырь под тюрьму. Читаем в дневнике И.П.Мордвинова: «2 апреля 1920 г. На дороге встретил Клавдия. ... ужасается, что хотят занять под тюрьму Беседный монастырь»; «8 апреля 1920 г. Захаров заводит разговор о занятии Николо-Беседного монастыря под тюрьму; я говорю, что это неудобно, но под колонией взять можно». Какие-то шаги к осуществлению этих замыслов, видимо, предпринимались. 10 мая 1920 г. И.П.Мордвинов писал: «Самарин сообщает, что на 12 мая назначена ликвидация Беседного. Имущество будет принимать и распределять Попов: большая часть будет роздана местным крестьянам, часть передается в музей».

Полной ликвидации монашеской общины тогда не произошло, но разорение монастыря шло полным ходом. 10 июня 1920 года И.П.Мордвинов, вновь посетивший эту древнюю обитель, написал: «Во Владимирской церкви ничего примечательного нет. В ризнице все то же, что и было прежде, но опустошено. Нет шитых хоругвей, ленты, резных створцев, которыми я когда-то восхищался... В библиотечных шкафах тоже не нашлось того, что было мною описано. По окончании осмотра пошли в часовню — впе-

Беспризорники 20-х годов.

чатление печальное. Украшения сняты, лампы не горят, пусто...»

К осени 1920 г. вопрос с размещением тюрьмы в Николо-Беседном монастыре, видимо, был уже снят с повестки дня. Под нее решили отдать несколько зданий Введенского женского монастыря. И снова свидетельство И.П.Мордвинова: «6 ноября 1920 г. У Крылечка встретилась игуменья Иоанникия; побеседовал с нею; она рассказывает, что с переводом тюрьмы в монастырь последний хотя бы обезобразить установкой тына с захватом боковых ворот». Впоследствии именно так и было сделано, и тын (сплошной забор — прим. автора) пережил саму тюрьму.

На территории Дымского монастыря, который был уже упразднен, кроме совхоза, находился Дымский приют для калек и престарелых, состоявший в ведении уездного собеса. В нем жили «93 призреваемых». Смотрительницей приюта была Н.И.Линдстрем.

Наступление на Православную Церковь в 1920 г. продолжалось вестись и словом. Антицерковная пропаганда не ослабевала. Местная газета «Наш край» даже открыла постоянную рубрику «Попы и деревенская тьма», в которой публиковались материалы, очерняющие священнослужителей. Похоже на то, что к тому времени в Тихвинском уезде уже не осталось ни одного священника, которого бы не опорочили в этой газете.

Шел уже третий год с того момента, как служители Церкви и члены их семей, лишённые избирательных, а на самом деле всех гражданских прав, были обречены на голодное существование. Почти единственным доходом для них являлись деньги и продукты, получаемые священниками за исполнение треб. Поэтому случалось, что они, доведенные до отчаяния невозможностью прокормить семью, отказывались безвозмездно служить молебны, о чем тут же писалось в газете, где их называли вымогателями.

Об этом говорят и названия газетных заметок: «Поп-обирало», «Глаза завидующие», «Дорогая благодать», «Вымогают», «Как попы дурачат народ» и др. Все заметки были анонимными, а подписаны они были так: «Очевидец проездом», «Красный день», «А.Македонский», «Местный житель», «Сообщил Х. Передал Жан». Видно, стыдно было ставить свою настоящую фамилию под явной ложью или преувеличением.

Перестали ли люди под влиянием антицерковной пропаганды посещать пока еще действующие храмы, расскажем в следующем раз.

Светлана Старшина.